

АЙБОЛИТ И БАРМАЛЕЙ

Эпизод из жизни советского литературоведения

Эдуард Пашнев

В 1926 ГОДУ в Государственном издательстве вышло в одном томе первое Полное собрание стихотворений Н.А. Некрасова под редакцией Корнея Чуковского. В 1934 году издательство «ACADEMIA» приступило к осуществлению нового проекта — изданию Полного собрания стихотворений в двух томах.

Первый том вышел в августе 1934 года. На титульном листе значилось:

Н.А. НЕКРАСОВ
Полное собрание стихотворений
Редакция и примечания
Корнея Чуковского
Вступительная статья
Л.Б. Каменева
Том 1
1833—1860

О вступительном слове известного политика, занимавшего пост директора издательства «ACADEMIA», мы находим упоминание в примечаниях «От редактора» К. Чуковского: «Статья Л.Б. Каменева, содержащая общую характеристику творчества Некрасова, будет помещена во 2-м томе».

Скорее всего, это была редакционная уловка. Занявшийся литературой политик был арестован и объявлен «врагом народа». Немедленно началось уничтожение его работ в других изданиях.

Второй том полного собрания стихотворений Некрасова вышел только через несколько лет, весной 1937 года.

Этому предшествовал целый ряд событий. Была создана редакция по академическому изданию Некрасова. Чуковский почувствовал, что его хотят лишить дела всей жизни. Некоторые члены редакционного совета старались собраться так, чтобы он не мог присутствовать.

Когда-то народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский своим распоряжением утвердил в роли редактора некрасовского собрания сочинений Чуковского. Теперь ЦК и президиум Союза писателей направили в «ACADEMIA» В.Я. Кирпотина, чтобы он заменил расстрелянного к тому времени Каменева и ослабил его троцкистское влияние на комментатора и редактора Чуковского.

Каменев давно уже был отстранен от всех значительных политических дел. Он и в самом деле пытался утвердиться на литературной почве и здесь снова вырасти в значительную фигуру. В издательстве «Советский писатель» выходили тома «Библиотека поэта» под редакцией Горького. Каменев учредил в «ACADEMIA» другую серию, более широкую. На титульном развороте прежде всего печатались:

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
под общей редакцией
Л.Б. Каменева

На съезде писателей он должен был произнести доклад. И вообще ЦК готовил для него ведущую роль среди литераторов.

Но доклад на съезде произнес Кирпотин. Он был секретарем Оргкомитета, вторым человеком после Горького. И в Институте мировой литературы в 1937 году работал В.Я. Кирпотин.

Именно этот партийный талантливый критик, которого в прессе нередко именovali «Современным Белинским», пришел в «ACADEMIA» выпускать второй том Полного собрания стихотворений Некрасова.

Интересные библиофильские казусы начались сразу же. Второй том оказался слишком большим, пришлось его разделить на две части. Читателям было сообщено: «По техническим причинам 2-й том собрания стихотворений Н.А. Некрасова разделен на две книги. Комментарий помещен в конце второй книги». Таким образом,

двухтомник стал на полку тремя томами.

Выходные данные отразили очень важную подробность. Это возобновленное издание было подписано к печати с матрицы. То есть три года книга лежала в металле, ждала своего часа. Изменен был только титул. На том месте, где раньше печаталось «Русская литература под общей редакцией Л.Б. Каменева», было помещено одноразовое рабочее сообщение:

Том 2-й
под общей редакцией
В.Я. Кирпотина

Вступительную статью вместо Каменева тоже написал В.Я. Кирпотин.

Чуковский, как и в первом томе, остался комментатором и рабочим редактором. Он с удивлением обнаружил в предисловии статье резкие критические замечания в свой адрес. Между общим редактором, определяющим идеологию издания, и редактором построчным на страницах некрасовского собрания стихотворений произошло столкновение. Анализируя творчество поэта, Чуковский выводил его дарование из особой «пульсации стиха», из ритма:

«Это был гений уныния... Его излюбленный стихотворный размер есть по самому существу своему панихида. Если бы этого размера не было раньше, Некрасов сам изобрел бы его, чтобы хоть как-нибудь выразить ту звериную волюющую тоску, которая всю жизнь была в нем. Да, он и вправду изобрел этот стих, эту особенную, специально-некрасовскую пульсацию стиха, в которой главное очарование его лирики. Отнимите у него этот ритм, и у него ничего не останется. Некрасов не хандрящий — не поэт. Нет уныния — нет вдохновения. Пока он не нашел в себе этого ритма, он был литературный ремесленник, но едва этот ритм открылся ему, он сделался могучий поэт».

Кирпотин выводил гений поэта из социальных обстоятельств, из осознанного политического протеста. Он писал в предисловии:

«Политическая осмысленность сделала Некрасова из версификатора и литературного поденщика истинного поэта. Отсюда становится понятным, насколько не прав К. Чуковский в своей книге о Некрасове (изд. Кубуч, 1926), утверждая, что унылый ритм Некрасова, особая заунывная пульсация его стиха сделала его великим поэтом... Нет, не так, конечно. Сначала у Некрасова развились и утвердились особые политические мысли, сначала Некрасов занял свое вполне определенное место в политическом лагере революционной демократии в России, и только после этого и вследствие этого Некрасов сумел открыть и усовершенствовать семантические формальные особенности своей поэзии. Осознание страданий народа и стремление к их излечению создали поэзию Некрасова».

Чуковский утверждал приоритет особого ритма. Кирпотин — особые политические мысли. Это был популярный в то время спор о форме и содержании, хотя одно без другого, как известно, не существует.

Спор этот решен самой жизнью. Для нашей истории важно, что два редактора одного «двухтомника» находились в идеологическом конфликте и вынуждены были выяснять отношения за рамками написанного.

Прочитав первый вариант вступительной статьи, Чуковский написал Кирпотину письмо (1 сентября 1935 г.):

«Невозможно делать совместную работу в атмосфере вражды. А иной атмосферы ваша статья не создает... Велико было мое огорчение, когда я увидел, что даже в предисловии к стихотворениям Некрасова, выходящем под моей редакцией, Вы не загнули с полужительных сторон проделанной мною работы, а взяли мою старую

книгу, отыскали в ней три или четыре ошибки и построили всю статью на опровержении этих явных и давно ликвидированных ошибок...»

В новом варианте предисловия Кирпотин «заикнулся» о положительных сторонах проделанной Чуковским работы:

«В советском литературоведении наиболее ярко выражен взгляд на Некрасова как на промежуточную фигуру между двумя классами в книге К. Чуковского, человека, посвятившего изучению творчества

нескольких «выпадов», сохраненных в предисловии статье к «двухтомнику», в книжке осталось всего лишь одно критическое упоминание:

«Многие находили, что у Некрасова преобладают черты чисто буржуазной революционности. Такой точки зрения придерживались известные исследователи Некрасова — Корней Чуковский и отчасти Евгений-Максимов. Такая точка зрения является неверной и необоснованной».

Корней Чуковский. Шарж Кукрыникова. 30-е годы.

Некрасова много лет настойчивого труда, имеющего в некрасоведении бесспорные и общепризнанные заслуги. К. Чуковский очень много сделал для того, чтобы очистить подлинный облик поэта от всех искажений, наложенных на него цензурой. Товарищ Чуковский, в подготовленном им 2-м издании своей книги о Некрасове, предполагает исправить ряд положений, установивших или ошибочных с точки зрения современного нашего понимания творчества Некрасова...»

Этой вставкой Кирпотин уравнивал критику книги Чуковского. Сама же критика осталась, ни одной строки не было вычеркнуто.

Одновременно со статьей, отданной в «ACADEMIA» для некрасовского «двухтомника», Кирпотин на том же материале написал небольшую книжечку для издательства «Советский писатель». Книжечка эта должна была выйти, как и «двухтомник», в начале 1937 года. В этом издательстве и увидел ее в гранках Чуковский. По сути дела, это была все та же статья с критикой его книги, но без уравнивающих похвал слов.

На бланке издательства со штампом и голубой отбивкой в верхней части листа быстрым почерком, разбрызгивая чернила, Чуковский написал записку и послал ее с курьером:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич! У вас выходит книжечка «Творчество Некрасова». Будьте ласковы — выбросьте оттуда выпад против меня — нельзя же быть человеком за то, что написано им в 1913—1922 годах. После этого у меня напечатано много статей, которые аннулируют те мои ранние описи. Ваш Чуковский».

Письмо подействовало. От не-

Все! И более того, критикуя Чуковского, автор книжечки «Творчество Некрасова» сам не заметил, как усвоил теорию «специально-некрасовской пульсации стиха». В первой главе Кирпотин пишет:

«Поэт создает новые ритмы и интонации, близкие к народному стиху, дающие ему возможность придать своей поэтической фразе клокочущее негодование, рыдающую боль о народе».

«Рыдающая боль» — это ведь та самая «панихида», о которой писал Чуковский. Она выступает под прикрытием «клокочущего негодования», но все же, все же...

Проходит совсем немного времени, «двухтомник» и книжечка «Творчество Некрасова» еще не вышли, неутомимый К. Чуковский присылает новое письмо:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич. Сейчас в Гослитиздате должен выйти однотомник Некрасова — под моей редакцией. Из этого однотомника я, конечно, выкинул весь хлам, но зато ввел отдел прозы — дал лучшие статьи, рассказы, пьесы Некрасова (в малом количестве). Не хотите ли дать для однотомника статью о Некрасове? По моему, Вы могли бы чуть-чуть изменить ту, которую Вы дали для издания «Академии» — и она вполне подошла бы к однотомнику. Ответьте, пожалуйста, сейчас же — если можно, телеграммой. Кроме Вашей статьи я намерен дать свою — очень короткую — очерк о жизни Некрасова, — сухой и непретенциозный очерк жизни Некрасова...»

Кирпотин все правильно понял. Он дал статью в однотомник, вычеркнув из нее персональную критику Чуковского. Ни разу даже не упомянул его фами-

лию. Позволил себе несогласие лишь в безличной форме:

«Ошибочно думать, что Некрасов стал великим поэтом благодаря тому, что обрел особые новые формы стиха. Нет, не так конечно! Сначала у Некрасова развились и утвердились особые политические мысли...»

То есть идея осталась та же, человек, с которым полемизировал Кирпотин, исчез. Исчезло и похвальное слово, вписанное в предисловие к «двухтомнику» по подсказке Чуковского (письмо от 1 сентября 1935 г.). Отсутствие критики уравнивалось отсутствием похвалы.

Все перечисленные книги вышли в 1937 году. В 1938 году вышел еще один однотомник Некрасова в издательстве «Детская литература». И снова со вступительной статьей Кирпотина. Но если в предыдущем однотомнике заглавной была кирпотинская статья, за которой следовал скромный биографический очерк, «сухой и непретенциозный», то здесь книга открывалась большим, прекрасно иллюстрированным биографическим очерком Чуковского, а затем уже следовала статья Кирпотина, которая выглядела рядом с работой коллеги «непретенциозной».

Но и на этом игра лукавого Корнея Ивановича с доверчивым Валерием Яковлевичем не закончилась. У последнего в дневниках я нашел конец этой издательской истории. В 1938 году в Малой серии «Библиотеки поэта» выходил миниатюрный двухтомник Некрасова. «Со мной сговорились», пишет Валерий Яковлевич, — о титульном редактировании. Как редактор я, естественно, вычеркнул из предисловия статьи А. Максимова все ссылки на мои работы. Когда же двухтомничек вышел, оказалось, что титульным редактором стоит Чуковский, который пальца не приложил к изданию. А меня перевели в разряд тех редакторов, фамилии которых пишут среди выходных данных. А Максимович потом разводил руками — он только удивлялся той ловкости, с которой все было проделано».

Пригласили через парадный вход, а проводили по черной лестнице через «выходные данные», где фамилия Кирпотина затерялась среди технических данных и технических редакторов.

Корней Иванович Чуковский добился своего, вернул себе первоначальное положение в некрасоведении. Если в «ACADEMIA» первый том вышел под общей редакцией Л.Б. Каменева, второй — под общей редакцией Кирпотина, то все последующие издания выходили под общей редакцией Чуковского, с его биографическими очерками и комментариями.

Забавным последствием к этой истории стали два автографа...

На новогодний праздник 1938 года Кирпотин пришел с дочкой Наташей в Дом ученых. Там их встретил Корней Иванович, обласкал девочку и подарил ей свою книгу «Африканские сказки» (Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1937). Зелеными чернилами написал:

«Наташе Кирпотинной от любящего ее Бармаля».

8.1. 1938 г.

Академия Наук, Дом ученых».

На форзаце слева был нарисован художником Ротовым доктор Айболит, справа — Бармалей. Корней Иванович под доктором Айболитом написал «К.Ч.» — Корней Чуковский, а под рисунком, изображающим Бармаля, — «В.К.» — Валерий Кирпотин.

И пририсовал Бармалею-Кирпотину к руке дульный пистолет. Из него вылетали пули: «В.К.» стрелял в «К.Ч.»

— Целебные пульки, — пояснил Чуковский.

Дочка Валерия Яковлевича никак не могла понять, почему папа стал Бармалем и почему он стреляет в Чуковского. Да и не для нее это рисовалось.